

торговки, лавошницы, „площадные мошенники“ и нищие („весь богадельный храм“). Среди них не забыты дворяне-щеголи — „тафтяные кошельки“, а также „трыки,¹ форштей, жидоморы, кашеи“.

Во второй половине выходного монолога Пирожник восхваляет качество своего товара. В этой части монолога нетрудно увидеть два раздела. В первом из них Пирожник со знанием дела выхваляет сладкие, сдобные, скоромные и постные пироги. Во втором разделе Пирожник говорит, что у него есть пироги „для господ“, с начинкой из слоновых клыков, собачьих хвостов, волчьих зубов, всевозможных насекомых и отбросов, даже — пъявок „для пъяниц“.

Эта часть монолога построена по тому же принципу, что и пародийная „Роспись приданого“, известная как в лубочных картинах XVIII века,² так и в составе одноактной комедии „Интермедия о свадьбе однодворцовой дочери“, где перечисляется в составе приданого невесты то, чего не бывает на свете:

Кичка строчевая,
В ней береза толченая. . .
На занавесы рогожна парча. . .
Дубовые чирички. . .³

Тот же принцип известен в юмористических лечебниках,⁴ курантах⁵ и других пародийных произведениях демократической литературы XVIII века.

Монолог завершается повторным обращением Пирожника к зрителям и зывовом покупателей.

В этом первом монологе Пирожника имеется одна любопытная деталь: в отличие от Маркитанта интермедии 1741 года перед нами не розничный торговец собственным изделием, а наемный работник. В начале монолога Пирожник говорит о себе: „Меня с пирогами в ы с л а л и“, а в конце прямо упоминает о хозяине, который пек пироги. Тема „хозяина“ приобретает еще большее значение в заключительном монологе Пирожника.

Центральная часть роли — диалоги Пирожника с Подьячим, Солдатом и Голым — рисует его как деловитого и „обходительного“ торговца, который умеет не раз напомнить покупателю, что продает пироги только за наличные деньги, и в то же время умеет быть вежливым, даже с Подьячим, хотя открыто презирает „крапиву“.

Заключительная сцена — самоубийство Пирожника — решена в традиции устной народной драмы, где комическое и трагическое тесно сплетаются друг с другом⁶ и где нередко встречается (как и в эпосе) прием повтора эпизодов.

Приведенный материал показывает, что сходство между образами Маркитанта в интермедии драмы „Стефанотокос“ и Пирожника в „Игре пирожной“ весьма невелико. Оно ограничено более или менее точным

¹ Ср. в лубке: „Пан Трык, полна пазуха лык“ (Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I. СПб., 1881, № 222).

² См.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, №№ 143 и 144.

³ См.: В. Д. Кузьмина. ук. соч., стр. 415.

⁴ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки русской сатирической литературы XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 242—243.

⁵ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Юмористические куранты XVIII века. Уч. зап. Лен. Гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 48—56.

⁶ Ср. эпизод казни Адольфа и его погребения в устной народной драме „Царь Максимилиан“.